

УДК 821.161.1

В.А. Гусев

МИДДЛ-ЛИТЕРАТУРА И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

Для современной литературной ситуации характерна резкая поляризация литературы и читающей публики. В конце прошлого века Дж. Фаулз отмечал, что возникли два типа художников: «...те, кто ждёт, чтобы публика пришла к ним из чувства долга по отношению к их “чистому” и “искреннему” искусству; другой – это художник, эксплуатирующий желание публики, чтобы за ней ухаживали, забавляли её и развлекали. В такой ситуации нет ничего нового. Но эти два лагеря никогда ещё не были так чётко разграничены и столь антагонистичны» [7, с. 296]. Но можно говорить и о двух типах читателя, двух типах чтения, которые сложились тоже довольно давно и отражают устойчивую культурную иерархию. Ещё П. Вяземский делил публику на два разряда; «есть, что называется, читатели и есть просто читающие. Тут та же разница, что между пишущими и писателями» [3, с. 23]. Много позже о двух различных типах чтения писал Р. Барт. Первый ведёт читателя «через кульминационные моменты интриги; этот способ учитывает лишь протяжённость текста и не обращает никакого внимания на функционирование самого языка» [2, с. 469-470]. Но есть и второй способ чтения: читатель пленяется «уже не объектом (в логическом смысле слова) текста, расслаивающегося на множество истин, а слоистостью самого акта, означения (signifiance)...» [2, с. 470]. То есть читатель может найти удовлетворение в самом акте высказывания, более того, «чтобы читать современных авторов, нужно не глотать, не пожирать книги, а трепетно вкушать, нежно смаковать текст, нужно вновь обрести досуг и привилегию читателей былых времен – стать *аристократическими* читателями» [2, с. 470]. Перспектива заманчивая, однако социологи вполне обоснованно считают, что элитарные, или «аристократические» читатели составляют примерно

© В.А. Гусев, 2016

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.155384>

3% читающей публики. Р. Барт чётко различал «текст-удовольствие», связанный с практикой «комфортабельного чтения», характерного для массовой культуры, и «текст-наслаждение», который вызывает чувство потерянности, «расшатывает исторические, культурные, психологические устои читателя, его привычные вкусы, ценности, воспоминания, вызывает кризис в его отношении с языком» [2, с. 471]. По мнению Барта, читатель, стремящийся удержать оба эти текста в поле своего зрения, – «дважды расколотый, дважды извращённый субъект» [2, с. 472]. Но насколько отвечает действительному положению вещей столь резкое и бескомпромиссное разделение различных групп читателей?

Действительно, элитарная и массовая литература, предполагающие различные типы чтения и адресованные разной читающей публике, – это противоположные, полярные социокультурные явления, казалось бы, несоприкасающиеся художественные миры... Ориентированные на разные группы читателей, они, однако, функционируют в едином пространстве культуры, а между ними, как материализация их взаимодействия существует «серединная», миддл-литература – беллетристика.

Утвердилось представление о беллетристике как о лёгком, занимательном чтении. К примеру, словарь Брокгауза и Ефрона даёт следующее (очень лаконичное) определение: «Беллетристика (от фр. belles-lettres – изящная словесность), худож. литература; в узком смысле – худож. проза, в отличие от поэзии и драматургии; произведения для лёгкого чтения, в противоположность высокого искусства» [5, с. 95]. В «Літературознавчому словнику-довіднику» утверждается, что в современном литературоведении беллетристика всё чаще обозначает «легку, жваву, розважальну, доступну, «формульну» розповідь про якусь подію чи наукову проблему, відому постать, а метод її популяризації, здебільшого розраховану на «наївного» реципієнта, вважається різновидом масової літератури...» [7, с. 80-81]. Термин «беллетристика» вошёл в употребление примерно в 30–40-е годы XIX века и используется по сей день, однако он всё ещё не является бесспорным и общепринятым. Скажем,

С. Чупринин считает, что он устарел и страдает оценочно-вкусовой неопределённостью.

Исследователь приводит определение беллетристики, отмечая, что в узком смысле она является занимательной литературой, отличающейся «динамичным сюжетом в противовес литературе “высоколобой” и/или скучной (так Вальтер Скотт и Александр Дюма-отец противостоят в читательском сознании Лоренсу Стерну и Томасу Манну). И наконец, беллетристика воспринимается либо как синоним доступной литературы, либо как обозначение той группы художественных явлений, которая занимает иерархически промежуточное положение между высокой, качественной и низкопробной, массовой литературой» [11, с. 69-70]. С. Чупринин полагает, что, исходя из такого рода расплывчатых определений, к беллетристике можно причислить едва ли не любого писателя. Поэтому «профессиональные литераторы» либо вовсе не используют этот термин, «либо пользуются им безответственно, исходя из собственного читательского опыта и личных вкусовых предпочтений» [11, с. 70]. Возможно, такое суждение о «безответственности» использования термина излишне резко, однако смысла оно не лишено. С. Чупринин предлагает выделять качественную (актуальную), массовую и миддл-литературу, располагающуюся между «высокой», элитарной и массовой, развлекательной литературами; рождённая их динамичным взаимодействием, она, в сущности, снимает извечную оппозицию между ними. «К миддл-классу с равными основаниями можно отнести как “облегчённые” варианты высокой литературы (“серьёзность light”, по остроумному наблюдению Михаила Раггуза), усвоение которых не требует от читателей особых духовных и интеллектуальных усилий, так и те формы массовой литературы, которые отличаются высоким исполнительским качеством и нацелены отнюдь не только на то, чтобы потешить публику. Сам этот термин, в смысловой ауре которого сошлись и отсылки к пресловутой золотой середине, и сегодняшние апелляции к ещё более пресловутому среднему классу, вводится впервые» [10, с. 152]. Предложенный С. Чуприниным

взгляд на литературу был поддержан рядом критиков. В частности, Г. Циплаков так характеризует миддл-литературу: «она находится посередине разных духовных сфер – высокой и коммерческой, фольклорной и профессиональной, для элиты и для небогатых <...>, “middl” означает скорее “центральная”, “находящаяся посередине”, чем “средняя»» [9, с. 221-222], т. е. происходит некая «усреднённость» литературы, ориентированной на достаточно широкий круг образованных читателей.

Представители этого направления не совершают художественных открытий, не разрушают «психологические устои читателя», но решают прежде всего актуальные коммуникативные задачи. Причём важными становится сюжетная и композиционная изобретательность, что и делает миддл-литературу увлекательным чтением. Тексты такого рода должны легко восприниматься, поэтому их создатели отказываются от «так называемого языка художественной литературы (с его установкой на стилистическую изощренность и опознаваемую авторскую идентичность)...» [10, с. 155]. Задача, конечно, не из простых – найти золотую середину и сочетать некую содержательную глубину с ясной, чёткой, простой формой изложения. Исходя из «серединного» положения этой литературы, и надо определить особенности её восприятия читателями. Дж. Кавелти, выделяя одну из важнейших черт массовой литературы, отмечал, что «формульные повествования подкрепляют уже существующие интересы и установки, представляя воображаемый мир в соответствии с этими интересами и установками» [6, с. 64]. Но такая модель «одномерной мысли и поведения» (Г. Маркузе) отталкивает сколько-нибудь искущённого читателя, да и «отказ от авторской идентичности», о котором говорит С. Чупринин, он не примет, особенно в той крайней форме, которая присуща массовой литературе. Миддл-литература предлагает своего рода вариации на известные темы, выходя на актуальные проблемы, трансформируя традиционные мотивно-образные системы, но не осуществляет их разрушающую деконструкцию, не заменяет их, не утверждает новую художественную парадигму.

Как заметил В. Шкловский, зачастую «читатель покупает вместе с книгой какое-то мнимое благополучие» [12, с. 205]. У Шкловского речь шла о Диккенсе, однако и современные писатели, так же как их выдающийся предшественник, стремятся утешить и поддержать читателя, удовлетворяя его потребность в релаксации и эскапизме. На свой лад делают это и создатели миддл-литературы, причём они не только развлекают и ободряют, но также, откликаясь на «злобу дня», транслируют и формируют базовые культурные ценности, адаптируя их к восприятию самой широкой читательской аудитории. К примеру, эту задачу успешно решают Паоло Коэльо, Фредерик Бегбедер, Борис Акунин, Любка Дереш...

Эти писатели, различные по силе своего дарования, принадлежат разным национальным литературам, но сближает их то, что их фабульная проза является увлекательным чтением; в ней не осуществляются рискованные художественные эксперименты, которые могли бы оттолкнуть некавалифицированного читателя. Да, беллетристика – «серединная» литература, её авторы как правило художественных открытий не совершают. Но, чтобы пройти между двумя «крайностями», необходимо иметь талант и владеть незаурядным поэтическим мастерством, и вряд ли стоит зачислять всякого беллетриста по разряду второстепенных писателей. Конечно, они стремятся быть понятыми и принятыми широкой читающей публикой, поэтому не склонны к новациям. Однако, в отличие от массовой литературы, миддл-литература её не исключает. Но писатель должен быть уверен, что найденный им новый «формат» будет принят читателями, будет отвечать их коллективным желаниям и культурным ожиданиям. Так, в век электронных технологий принципы компьютерной игры, включённые в структуру текста, оказываются востребованными, и Борис Акунин создаёт «Квест: Роман – компьютерная игра». В аннотации указывается, что он входит в серию «Жанры», в которых писатель не только следует жанровым образцам, существующим в литературе, но и создаёт новые. «К числу последних относится и “роман – компьютерная игра” – книга, которую можно не только читать, но в которую можно и играть» [1,

с. 2]. Такой роман-игра вполне отвечает существующим читательским ожиданиям. Беллетристика занимает своё законное место в современном культурном пространстве, однако это не значит, что её художественный опыт непременно будет затребован и использован высокой литературой. Но порой пишущие о ней утверждают именно это, стремясь подчеркнуть её значение в литературном процессе. Скажем, А. Гурвич утверждает, что беллетристы «нередко нащупывают, а то и открывают для разработки те тематические, проблемные пласты, которые позднее будут глубоко вспаханы классикой» [4, с. 64]. С нашей точки зрения, это положение небесспорно. Прежде всего вызывает возражение утверждение того, что беллетристика «нередко нащупывает» новые темы и проблемы. Скорее такого рода подвиг первопророчества беллетристам удаётся совершить лишь изредка.

Безусловно, одним из открывателей новых тем был П. Боборыкин. Становление капитализма в России он изобразил в романах «Дельцы», «Китай-город», «Василий Тёркин». Широкая картина жизни торгово-промышленной Москвы дана в романе «Китай-город», который исследователи единодушно считают одним из лучших произведений П. Боборыкина. Центральный персонаж романа – дворянин, отставной офицер Андрей Палтусов. Он молод, имеет небольшое состояние и решает заняться коммерцией. Своё желание разбогатеть Палтусов подкрепляет теорией, суть которой в том, что в деловых кругах Москвы должны появиться новые, культурные люди, которые приберут к рукам «купецкий город». Особое внимание Боборыкин уделяет социально-бытовой среде; в мельчайших подробностях, с заполняющими их звуками и запахами рисуются в романе Зарядье и Замоскворечье, Китай-город, с его постоянной деловой сутолокой, лавками, банками, трактирами и ресторанами. Но этот новый интересный тематический пласт не был после Боборыкина «глубоко вспахан классикой». Образы русских предпринимателей возникают в прозе и драматургии Чехова и Горького. Но совершенно иные типы, помещённые в другие социально-культурные ситуации. Лопухин, скажем, ничем не похож на Палтусова. Много позже С. Минаев, представитель современной миддл-литературы, в романе «Dухless»

изображает нового для русской литературы героя – топ-менеджера крупной международной торговой компании. Этот роман стал модной книгой. По его мотивам был снят одноимённый кинофильм. Несмотря на то что «Dухless» активно рекламировался, он вскоре, как нередко бывает с произведениями серединной литературы, свою популярность утратил, а тираж ушёл в распродажу. На высокую экспериментальную литературу этот образец «офисной прозы» влияния не оказал.

Писатель-беллетрист зачастую обращается к актуальным вопросам современности, он может верно воссоздать новый социальный тип, но будет использовать при этом уже закреплённые в эстетическом сознании изобразительно-выразительные приёмы и жанровые формы, но если уж речь идёт о художественном открытии, то в искусстве важна не столько новая тема, сколько новое видение мира. И Стендаль, и Л. Толстой обращаются к известной ещё со времён «Илиады» военной теме, но каждый из них решает её по-своему, неожиданно, по-новому. Конечно, в высокой литературе могут быть использованы тематические проблемные пласты, впервые разработанные представителями миддл-литературы, но не это определяет особенности её функционирования в пространстве современной культуры.

Миддл-литература не является полем жанровых и языковых экспериментов. Известное высказывание В. Шкловского – «старая форма не пружинит» [13, с. 28] – не о беллетристике. Здесь может «спружинить» узнавание читателем базовых повествовательных схем, та игра, которую предлагает ему автор. Использование вариантов известных фольклорных и литературных сюжетов вызывает у читателя ощущение комфорта узнавания, угадывания, но здесь необходимо точно выйти на уровень читательского ожидания, найти знакомые читателю персонажные структуры, использовать привычные повествовательные приёмы. У. Эко в «Заметках на полях “Имени розы”» отмечает, что «идеальный роман» должен оказаться над схваткой «чистого искусства с ангажированным, прозы элитарной – с массовой <...> По моим понятиям, здесь уместно сравнение с хорошим джазом или классической музыкой. Слушая повторно, следя по партитуре, замечаешь то, что в первый раз проскочило мимо»

[14, с. 462]. Форма может быть заимствована у предшественников, но она требует обновления. При таком виртуозном повторном воплощении формул массовой литературы в «идеальный роман» они ожидают, наполняются новым смыслом и могут привлечь внимание как массового, так и элитарного, искушенного читателя. Использование «двойного кодирования» приводит к тому, что рецепция одного текста у читателей различной компетенции создаёт прочтения, которые в значительной степени различаются между собой. В беллетристике широко используются разработанные в классике изобразительные приёмы, обыгрываются и до известной степени редуцируются традиционные повествовательные схемы и жанровые формы. Ещё раз отметим: в миддл-литературе традиционные образно-мотивные структуры могут до известной степени переосмысливаться, пародироваться. Осторожная полемика с классикой, творческое использование сюжетов и мотивов отличает её от массовой литературы.

Можно выделить, разумеется, схематично, три основных типа диалогических отношений между читателем и писателем, сложившихся в современной литературе. Автор массовой литературы принимает все условия читателей, не нарушает общепринятую конвенцию, использует традиционные повествовательные формы. Между авторами массовой литературы и их невзыскательным, но по-своему требовательным читателем, «новым варваром» (Х. Ортега-и-Гассет) установилась прочная связь. С одной стороны, автор популярной литературы всецело зависит от читателя, стремясь всегда и во всём соответствовать его «горизонту ожидания». С другой – потребитель этой литературы подчинён автору, её восприятие не требует от читателя интеллектуальных и эмоциональных усилий.

Писатели-беллетристы тоже принимают условия читателя, но вместе с тем предлагают ему и свои, правда, лишь в том случае, если они не предполагают резкого нарушения конвенции. Если писатели экспериментальной высокой литературы формируют, воспитывают своего читателя, то писатели «серединой» скорее «приручают» его, привлекая его внимание занимательным сюжетом, узнаваемыми жизненными ситуациями и персонажами,

точностью бытовых зарисовок и социальных характеристик. В миддл-литературе не разрушаются привычные жанровые формулы, но они могут варьироваться и частично редуцироваться, что повышает возможность различной интерпретации текста. Это проза, для которой характерна постановка актуальных проблем, вызывающих читательский интерес, увлекательная фабула, простота и ясность повествования, облегчающие восприятие текста. Сюжетная и композиционная изобретательность здесь важна не меньше, чем в массовой литературе, в чём прежде всего и проявляется авторская индивидуальность создателей «серединой» литературы. Миддл-литература прочно занимает в современном культурном поле свою нишу доступной, увлекательной и в то же время качественной прозы. Кажется, что резко очерченные границы между высокой и популярной литературой отчасти стираются, но своеобразным пограничным «столбом», тем не менее, остаётся творческий эксперимент, резко нарушающий привычную конвенцию между автором и читателем.

Писатели-экспериментаторы, напротив, далеко не всегда ориентируются на традиционные требования читателей. Они устанавливают свои законы, предлагают новую парадигму, утверждают непривычные, неожиданные способы художественного постижения мира. Эта литература предназначена для читателя, квалификация которого предполагает определённый эстетический опыт, причём навыки чтения массовой литературы в этом случае оказываются непригодными. Глубинные культурные слои текста, его субъективную перспективу может увидеть только такой «идеальный» (У. Эко) или «аристократический» (Р. Барт) читатель.

Три основные составляющие: высокая (экспериментальная), массовая литература и беллетристика – присутствуют в современном поле культуры. По всей видимости, они будут сосуществовать, взаимодействовать и конкурировать, отвечая существующим ожиданиям различных сегментов читательской аудитории. Миддл-литература, как явствует из её названия, занимает срединное положение и ориентирована на различные культурные предпочтения самого широкого круга читающей публики. На книжных прилавках

она представлена широко, однако быстро теряет свою актуальность и сравнительно редко попадает в поле зрения «профессионального литератора», поскольку оказывается затенённой яркими, крайними проявлениями экспериментальной и массовой литературы. Вероятно, поэтому миддл-литература всё ещё ждёт своего исследования.

Литература

1. Акунин Б. Квест: Роман – компьютерная игра: [роман] / Б. Акунин. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 448 с.: [7] л. цв. ил. (жанры). Книга-перевёртыш.
2. Барт Р. Удовольствие от текста / Р. Барт // Барт Р. Избр. работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 462-518.
3. Вяземский П.А. Сочинения: в 2-х т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 2. Литературно-критические статьи. – 567 с.
4. Гурвич И.А. Беллетристика в русской литературе XIX в. / И.А. Гурвич. – М.: Изд. Российского открытого университета, 1991. – 90 с.
5. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. – М.: Эксмо, 2008. – 960 с.: ил.
6. Кавелти Дж.Г. Изучение литературных формул / Дж.Г. Кавелти // НЛО. – 1996. – № 22. – С. 33-67.
7. Літературознавчий словник-довідник / [за ред. Р.Т. Гром'яка, Ю.І. Коваліва, В.І. Теремка]. – К.: ВЦ Академія, 2006. – 752 с.
8. Фаулз Д. Аристос / Д. Фаулз; [пер. с англ. И. Бессмертной]. – М.: АСТ: МОСКВА, 2008. – 347 с.
9. Циплаков Г. При чём тут маркетинг? / Г. Циплаков // Знамя. – 2006. – № 4. – С. 179-191.
10. Чупринин С. Звоном щита / С. Чупринин // Знамя. – 2004. – № 11. – С. 147-159.
11. Чупринин С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям / С. Чупринин. – М.: Время, 2007. – 768 с.
12. Шкловский В. О теории прозы / В.Б. Шкловский. – М.: Сов. писатель, 1984. – 384 с.
13. Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933) / В. Шкловский. – М.: Сов. писатель, 1990. – 544 с.
14. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко // Эко У. Имя розы: Детектив. Вып. 2. – М.: Книжная палата, 1989. – С. 427-482.

Анотація

В.А. Гусев. Мідл-література та особливості її читацької рецепції

У статті розглядається белетристика, або мідл-література, уточнюється змістовна сутність цієї дефініції. Ми вважаємо, що взагалі ці терміни позначають одне й те ж соціокультурне явище, що знаходиться між масовою літературою, де тексти побудовані відповідно до стійких жанрових формул, і високою, експериментальною словесністю, яка завжди знаходиться в пошуках нового змісту і відповідної йому форми. Письменники-белетристи теж приймають умови читача, але в той же час пропонують йому і свої, правда, лише в тому випадку, якщо вони не передбачають різкого порушення конвенції. У мідл-літературі не руйнуються звичні жанрові формули, але вони можуть варіюватися і частково редукуватися, що підвищує можливість різної інтерпретації тексту. Це проза, для якої характерна постановка актуальних проблем, які викликають читацький інтерес, захоплююча фабула, простота і ясність оповіді, що полегшують сприйняття тексту. Вона міцно займає в сучасному культурному полі свою нішу доступної, захоплюючої і в той же час якісної прози.

Ключові слова: елітарна література, масова література, мідл-література, белетристика, діалогічність, читацька рецепція.

Аннотация

В.А. Гусев. Миддл-литература и особенности ее читательской рецепции

В статье рассматривается беллетристика, или миддл-литература, уточняется содержательная сущность этой дефиниции. Мы полагаем, что эти термины обозначают, в общем-то, одно и то же социокультурное явление, находящееся между массовой литературой, где тексты построены в соответствии с устойчивыми жанровыми формулами, и высокой, экспериментальной словесностью, которая всегда находится в поисках нового содержания и соответствующей ему формы. Писатели-беллетристы тоже принимают условия читателя, но вместе с тем предлагают ему и свои, правда, лишь в том случае, если они не предполагают резкого нарушения конвенции. В миддл-литературе не разрушаются привычные жанровые формулы, но они могут варьироваться и частично редуцироваться, что повышает возможность различной интерпретации текста. Это проза, для которой характерна постановка актуальных проблем, вызывающих читательский интерес, увлекательная фабула, простота и ясность повествования, облегчающие

восприятие текста. Она прочно занимает в современном культурном поле свою нишу доступной, увлекательной и в то же время качественной прозы.

Ключевые слова: элитарная литература, массовая литература, миддл-литература, беллетристика, диалогичность, читательская рецепция.

Summary

V.A. Gusev. Middle-literature and Reader's Perception

Our article focuses on the belles-lettres, or the middle-literature. We believe that these terms define mostly the same social and cultural phenomenon, which is between the mass literature where texts are organized in keeping with some fixed genre formulas and the high, experimental one, which is always in search of a new subject-matter and a corresponding form. Writers of fiction take into account the reader's conditions, but at the same time they offer their own rules, if only they do not suppose to break them. In the middle-literature the usual genre formulas don't break, but they can vary and partially change, which increases the possibility of different interpretation of the text. This prose turns to the topical issues, which stir the reader's interest; it is a fascinating story, the narration simplicity and clarity which considerably facilitates text comprehension. This kind of literature has its part in contemporary cultural process, the middle-literature is affordable, exciting and at the same time a good-quality prose.

Key words: elite literature, mass literature, middle-literature, fiction, dialogueness, the reader's perception.

Інформація про автора

Гусев Віктор Андрійович – доктор філологічних наук, професор кафедри зарубіжної літератури Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара; проспект Гагаріна, б. 72, м. Дніпропетровськ, 49000, Україна